

Елизавета и Маргарета

Частная
жизнь
сестер
Виндзор

Эндрю Мортон

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРОВ NEW YORK TIMES

ОДРИ

Мода. TRUESTORY

Эндрю Мортон

**Елизавета и Маргарет.
Частная жизнь сестер Виндзор**

«ЭКСМО»

2021

УДК 929(410)
ББК 63.3(4Вел)-8

Мортон Э.

Елизавета и Маргарет. Частная жизнь сестер Виндзор /
Э. Мортон — «Эксмо», 2021 — (Мода. TRUESTORY)

ISBN 978-5-04-174925-5

Они были близкими сестрами и лучшими подругами. Но отречение от короны их дяди Эдуарда VIII раз и навсегда изменило некогда крепкие и доверительные отношения между Елизаветой и Маргарет. Теперь их разделяет «отряд секретарей, открывающих двери». Маргарет вынуждена называть сестру Ваше Высочество вместо ласкового «Лилибет». А для Елизаветы всегда казавшиеся веселыми выходки Марго все больше становятся источником напряжения. Королевский биограф Эндрю Мортон представляет первую подробную биографию двух самых знаменитых в мире сестер, раскрывая подробности их взаимоотношений – начиная с идиллии их уединенного детства и заканчивая разными судьбами, которые были предназначены им после смерти отца и восшествия Елизаветы на престол. Эта документальная книга основана на свидетельствах приближенных к семье Виндзор, бывших дворцовых помощников, а также инсайдеров, знавших Елизавету и Маргарет на протяжении многих лет. В формате PDF А4 сохранён издательский дизайн.

УДК 929(410)
ББК 63.3(4Вел)-8

ISBN 978-5-04-174925-5

© Мортон Э., 2021
© Эксмо, 2021

Содержание

Введение	6
Глава 1	9
Глава 2	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Эндрю Мортон
Елизавета и Маргарет.
Частная жизнь сестер Виндзор

© Старова В., перевод, 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

Посвящается Али и Лидии: сестры и друзья навек!

Введение

Сестра, друг, судья

Теперь все стало по-другому. Никакой тебе «Лилибет» по любому поводу и без, а значит, прощай непринужденная простота общения, объединявшая двух сестер перед лицом остального мира. Сейчас их разделяла дистанция – выверенная и едва осознаваемая, но все же дистанция. Она сокращалась, когда сестры оставались наедине. Но при слугах и посторонних приходилось соблюдать формальности. Когда кто-то невзначай говорил «Ваша сестра», принцесса Маргарет надменно и резко поправляла: «Вы имеете в виду *королева?*» После недавнего вступления Елизаветы на престол сестер, у которых некогда была общая спальня, разделял взвод ревнителей придворного протокола, подсчитывавших каждую минуту в ее плотном расписании. Не могло быть и речи о том, чтобы прийти без предупреждения. От этой привычки с трудом отвыкал их дядя Луис Маунтбеттен – герой войны, советник и назойливый интриган, сующий свой нос во все дела.

Маргарет подгадала удачный момент. В этот холодный декабрьский день 1952 года, накануне поездки на ежегодное семейное Рождество в Сандрингем, молодая королева изучала детали церемонии коронации. Маргарет проследовала за лакеем в красном жакете мимо работ Каналетто и «Дианы и Актеона» кисти Гейнсборо. На пороге роскошных Бельгийских покоев Букингемского дворца ее приход был надлежащим образом возведен. Она назвала сестру «мадам», присела в неловком реверансе и расцеловала Лилибет в обе щеки. Затем по приглашению сестры села на небольшой диван, обитый золотистым шелком. Кто угодно без труда признал бы в них сестер. Каждая – в скромном дневном платье с безупречно подобранной брошью и ниткой жемчуга на шее. В детстве их одевали одинаково, и время от времени старая привычка давала о себе знать.

Маргарет предстояло сделать признание. Она сообщила сестре о своей любви к капитану Королевских воздушных сил Питеру Таунсенду, бывшему конюшему их отца. Теперь он носил старинное звание контролера двора королевы-матери – второй по старшинству чин в придворной администрации – и ведал повседневными делами недавно овдовевшей королевы. Высокий, стройный, с твердым и пристальным взглядом пронзительных серо-голубых глаз, ее избранник походил на кинозвезду. В придачу он был самым настоящим героем войны, одним из «Немногих» – тех самых пилотов, сражавшихся в Битве за Британию, которая спасла страну от нацистского завоевания. Медали, украшавшие его синий мундир, убедительно свидетельствовали о его доблести.

Со дня безвременной кончины отца, короля Георга VI, Маргарет все больше искала утешения в Таунсенде. Виски, таблетки, транквилизаторы и сигареты мало помогали справиться с захлестнувшей ее тоской. Казалось, что только Питер – мягкий, спокойный, нежный – мог поднять ей настроение.

Взаимная симпатия возникла задолго до смерти короля. Но его уход в феврале этого года подтолкнул их друг к другу. В то первое беззаботное время Питер часто смеялся над шутками Маргарет, сама же она всегда чувствовала его надежное плечо. Они поддерживали друг друга, и со временем их дружба переросла в нечто большее, значительно большее.

Питер был шестнадцатью годами старше и имел двоих сыновей школьного возраста, но не это послужило поводом к разговору с сестрой. Нет, причина, по которой Маргарет сидела здесь, скромно сложив руки, ничем не проявляя своей склонности к театральным сценам, заключалась в его предстоящем разводе с женой Розмари. Она хотела обсудить связанные с этим осложнения.

С прошлого ноября, когда Питер Таунсенд начал судебное дело о разводе, с глазу на глаз они вели очень неопределенные разговоры о своем союзе в неизвестном будущем.

Хотя Питер был пострадавшей стороной – по крайней мере, в той версии, которая предназначалась для общественности, – факт оставался фактом: Питера Таунсенда ожидал статус разведенного. Это слово на букву «р» повисло между ними, словно заряженная граната, и оба понимали его зловещий смысл. По иронии судьбы, сестры впервые обсуждали вопрос о разводе в Бельгийских покоях. Именно там проживал их дядя Дэвид, король Эдуард VIII, во время своего краткого пребывания на престоле, от которого он отрекся ради любви к Уоллис Уорфилд-Симпсон, дважды разведенной американке.

По Акту о королевских браках 1772 года принцесса Маргарет – третья в очередности наследования престола после принца Чарльза и принцессы Анны – была обязана просить у королевы разрешения на брак с любым претендентом на ее руку, не говоря уже о разведенном. Сестры знали, что учение их церкви резко осуждало развод и что королеве, защитнице веры, не следовало отступать от нравственных устоев. Они представляли даже интонацию, с которой хворающая королева Мария вынесет свой вердикт, если узнает о секрете Маргарет.

Но времена менялись. Позволят ли Лилибет младшей сестре, одной из претенденток на престол, выйти замуж за разведенного? В своей мягкой розовой ладошке она держала счастье, а с ним и жизнь Маргарет. Старшая сестра всегда критиковала младшую. Теперь же, став королевой, она вершила ее судьбу. Предстояло принять серьезное решение, которое раз и навсегда определит направление их судеб и повлияет на репутацию королевской семьи.

Кратко изложив суть дела, Маргарет внимательно наблюдала за сестрой и ожидала большего удивления с ее стороны. Очевидно, влюбленные не проявили достаточной осторожности, хотя Маргарет полагала, что они оба были осмотрительны. По-видимому, придворные языки уже обрисовали картину происходящего сестре и не преминули разукрасить деталями.

Королева ничем не выдала своих чувств, но новость не входила в разряд приятных, особенно учитывая приближение коронации, назначенной на июнь. Церемония воспринималась обществом как один из самых значительных моментов в правлении монарха, и никакая помеха не допускалась. Елизавета знала Питера Таунсенда и хорошо к нему относилась. Она ценила его спокойную манеру во взаимоотношениях с ее отцом, нередко бывавшим капризным. Порой король, расчувствовавшись, называл героя войны сыном, которого никогда не имел.

Королева пребывала в смятении. Во время собственной долгой «темной ночи души»¹, когда отец пригласил Елизавету сопровождать его в поездке по Южной Африке и просил оставить возлюбленного, принца Филиппа, именно Марго показала себя самой преданной из преданнейших сестер. Она всегда принимала ее сторону и хвалила Филиппа в присутствии родителей. И Таунсенд был совсем не похож на Уоллис Симпсон, американскую жену дяди Дэвида, которую на дух не переносила королевская семья. Он пользовался популярностью во дворце, им восхищались и его уважали за военные заслуги, невозмутимый нрав и организационные способности.

¹ Отсылка к названию произведения испанского поэта Иоанна Креста (*прим. пер.*).

Здесь было над чем задуматься. Елизавета – уже не просто старшая сестра, а королева – имела конституционные обязанности и обязательства. Маргарет не просила у нее официального разрешения на брак. Пока. Она выразила надежду, что Питера начнут чаще приглашать на семейные вечера. Это позволило бы всем взглянуть на него как на подходящую партию. Они с Питером были готовы к постепенному развитию событий. Маргарет намекнула сестре, что удовлетворится маленькими уступками, а не открытой поддержкой брака.

Елизавета перевела взгляд в окно, выходящее в сад. Маргарет усмехнулась про себя: она знала эту привычку сестры смотреть в окно, принимая решения. В тишине, нарушаемой только громким стуком часов севрского фарфора на каминной полке, королева сообщила, что у нее есть идея.

Глава 1

Восход Солнца и Луны

Единственным, в чем проявлялось сходство Дэвида и Берти, было их пристрастие к модной одежде. Однако первый одевался броско, питал слабость к свитерам с геометрическим рисунком в стиле Fair Isle, двухцветной обуви и брюкам с отворотами. Другой же отличался консервативным вкусом и предпочитал одежду, сшитую на заказ у лучших портных. Берти проводил долгие часы в мастерских закройщиков, рассматривая эскизы, обсуждая и примеряя новые фасоны костюмов на все случаи жизни – от придворных раутов и государственных приемов до пантомим¹.

В остальном – и в манере поведения, и по характеру – братья разительно отличались. Один был создан для солнечного света, другой – для сумерек. Один – моложавый и оживленный, с гладкой кожей, почти не требующей бритья. Несмотря на хрупкое телосложение, он шел уверенной поступью и обладал энергичным духом. Другой, тшедушный и нервный, легко впадал в бессмысленную ярость и страдал от множества изнурительных недугов, начиная от проблем с желудком и сильного заикания и заканчивая нервным глазным тиком и судорогами, болезненно кривившими рот. Один веселился ночи напролет, соблазнял незамужних девиц и замужних дам и терпеть не мог венценосного отца. Другой беспрекословно подчинялся воле монарха, проявил благоразумие в выборе жены и вел образ жизни, «более соответствующий королевским традициям». Их отец постоянно сокрушался, что один из сыновей «шел по неверному пути», и отмечал, что другой способствовал укреплению достойного образа монархии, «подавая пример идеальной семейной жизни»². Даже Уоллис Уорфилд-Симпсон, американская пассия принца Уэльского, отмечала полную противоположность двух братьев: ее любовник – «сама непринужденность и энтузиазм... а герцог Йоркский тих и застенчив»³.

Выбор каждого из них – Дэвида, старшего сына и наследника династии Виндзоров, и Берти, бывшего на полтора года младше, – оказал непосредственное влияние на будущее дома Виндзоров. Их решения круто изменили и судьбу дочерей Берти, Елизаветы (Лилибет, как ее называли в семье) и Маргарет. У их деда, короля Георга V, зародилось недоброе предчувствие относительно будущего семьи еще в дни празднования своего серебряного юбилея в 1935 году. Тогда король горестно заметил о старшем сыне и наследнике – принце Уэльском, будущем короле Эдуарде VIII, бывшем на тот момент сорокалетним холостяком, не помышлявшим о браке и продолжении династии: «После моей смерти мальчик загубит себя за год. Я молюсь Богу, чтобы мой старший сын никогда не женился и не имел детей, чтобы ничто не встало на пути Берти и Елизаветы к трону»⁴.

Молитва короля была услышана. Отречение от престола Эдуарда VIII ради брака с дважды разведенной Уоллис Уорфилд-Симпсон перевернуло жизни брата и его дочерей и навсегда изменило семейные взаимоотношения. Решение дяди бросило сестер в пожизненные объятия монархии и сформировало их именно такими, какими они стали.

В массовом сознании существует убеждение, что каждому поколению дома Виндзоров досаждают чья-то тень, как в случае с Дэвидом и Берти. Достойный сын против непутевого. Мятежный экстраверт против благоразумного интроверта. Открытый прямолинейный Уильям и «бунтарское дитя» Гарри. Скромница Диана и неумная Ферги. Солнце и Луна. Эти стереотипы часто скрывают не меньше, чем разоблачают. И вместе с тем каждый в королевских парах братьев и сестер, подобно всем другим братьям и сестрам, следует этому закону асимметрии, занимая не занятое другим психическое пространство.

Как заметила однажды принцесса Маргарет своему другу и писателю Гору Видалу: «Когда из двух сестер одна – королева, которая должна служить образцом благородства и всего что ни на есть хорошего, другая обречена на самую изобретательную вредность, она – злая сестра»⁵. Безусловно, ее поведение порой выставляло старшую сестру в особенно выгодном свете, и Маргарет с легкостью скатывалась к стереотипу «паршивая овца». Но такая репутация волновала ее не больше, чем пепел на кончике сигареты в неизменном мундштуке. «Строптивость – моя отрада»⁶.

Маргарет достаточно знала себя, чтобы осознавать тонкое различие между образом «завистницы королевы», созданным вокруг нее средствами массовой информации, и более сложными чувствами молодой женщины, находившейся в тени старшей сестры. «Я никогда не страдала комплексом «второй дочери». Но я всегда возражала против ярлыка «младшая сестра»⁷. Как пронизательно отметил один из друзей: «Она чувствует себя дочерью короля, а не сестрой королевы»⁸. То есть частью главной королевской семьи, а не ее боковой ветви, к которой она стала принадлежать после коронации Елизаветы. Маргарет никогда не говорила, что хотела бы поменяться местами с сестрой. Любого, кто готов был ее слушать, она уверяла, что цель ее жизни состояла в том, чтобы помочь сестре нести тяжелое бремя ее статуса. Однажды она заметила: «Ну не удача ли, что Лилибет – старшая?»⁹ В то время как Маргарет злилась на ограничения, налагаемые королевской жизнью, Елизавета стоически их приняла.

Сестры пререкались и конфликтовали, сталкиваясь лбами как по серьезным поводам, так и по пустякам, но они любили друг друга. Эти переходы от привязанности к отчуждению, от искренней любви к примитивной ревности составляли суть сокровенного мира двух сестер, Елизаветы и Маргарет.

Обе сестры появились на свет в двадцать первый день месяца, но на этом сходство в обстоятельствах их рождения заканчивалось. Елизавета родилась 21 апреля 1926 года в лондонском районе Мэйфер в семье принца Альберта, герцога Йоркского, и Елизаветы Боуз-Лайон. Этот год оказался особенно тяжелым для Британии, зажатой в тисках промышленного хаоса и всеобщей забастовки. К моменту появления Елизаветы на свет градус общественного интереса к ней сильно повысился, так как грядущее рождение младенца королевских кровей отвлекало внимание от национального кризиса. Перед резиденцией под номером 17 на Брютон-стрит собралась толпа, когда наконец, в 2:40 утра, Елизавета пришла в этот мир в результате кесарева сечения. В соответствии с древней традицией во время родов присутствовал министр внутренних дел сэр Уильям Джойнсон-Хикс, дабы избежать подмены новорожденной¹⁰.

Вскоре прелестная голубоглазая малышка превратилась в мощный символ семьи, преемственности и патриотизма. Почти через месяц, 19 мая, Елизавету Александру Марию крестили в часовне Букингемского дворца. Обряд крещения совершил архиепископ Йоркский д-р Космо Гордон Лэнг. Малышка принцесса вызвала такой ажиотаж, что толпа в радостном возбуждении прорвала полицейский кордон у дворца, чтобы хоть краем глаза взглянуть на высокородное дитя. В ее аристократичном имени таилось предзнаменование королевской судьбы. Согласно Акту о престолонаследии 1701 года ее восшествие на престол было бы маловероятным в случае рождения наследника у ее дяди Дэвида. Тем не менее о ней говорили как о будущей надежде нации. Одна из газет отметила, что «перспектива превращения маленькой незнакомки с Брютон-стрит в будущую Королеву Великобритании (возможно, даже во вторую королеву Елизавету) выглядит интригующе»¹¹.

Появление новорожденной прервало относительно спокойное течение жизни ее августейших родителей: они оказались на первых страницах газет и журналов. Прошла уже не одна неделя с момента рождения Елизаветы, а тротуар перед лондонской резиденцией Йорков по-прежнему наводняли восторженные толпы почитателей. Порой, чтобы совершить ежедневную прогулку, коляску приходилось выносить тайком с заднего хода.

Со временем мать Елизаветы стал беспокоить столь резкий всплеск внимания. Впоследствии она писала свекрови, королеве Марии: «Меня почти пугает такая всенародная любовь. Я полагаю, что это хорошо, и надеюсь, что она окажется ее достойной, моя дорогая бедняжка»¹².

Беспрецедентное внимание не ограничивалось толпами на улице. С самого рождения вспыльчивый дед, король Георг V, души не чаял в Елизавете. Вскоре широкое хождение получили рассказы о том, как ангельская малютка покорила сердце непреклонного монарха. Хотя он имел дурную славу тирана как собственных детей, так и служащих, Елизавета была исключением.

Архиепископ Кентерберийский вспоминал случай, когда внучка таскала монарха за седую бороду, а он полз за ней на коленях по полу, изображая лошадь. «Он любил обеих внуков, сыновей принцессы Марии, – вспоминала графиня Эйрли, – но Лилибет всегда шла первой среди его привязанностей. Он играл с ней, чего я никогда не наблюдала в отношении его собственных детей. Он любил, чтобы она находилась рядом»¹³. Король отмечал малейшие достижения внучки. Он послал радиogramму сыну и невестке, которые находились на борту линейного крейсера *Renown* на пути в Австралию, с сообщением о том, что у внучки прорезался первый зуб. Она завоевала сердце монарха. Однажды на Рождество в Сандрингеме трехлетняя Елизавета слушала рождественскую песенку «Когда пастухи пасли свои стада во тьме ночи». Услышав «вам и всему человечеству» («to you and all mankind»), она, перепутав слова, наивно воскликнула: «Я знаю такого старого и доброго человека (old man kind)! Это вы, дедушка! Вы старый и очень, очень добрый»¹⁴.

Крошка Елизавета внимательно прислушивалась к словам «дедушки Англии» о порядочности, долге и трудолюбии. Эти моральные ценности поддерживались строгими правилами в доме и преданным персоналом в детской, который включал няню Клару Найт, известную как Ала; Маргарет «Бобо» Макдональд, рыжеволосую шотландку, и позднее ее сестру Руби. По требованию бабушки, королевы Марии, Елизавету с младенчества подгоняли под образец идеального королевского дитя. «Научите этого ребенка не вертеться», – постоянно требовала бабушка. Ала старательно приучала трехлетнюю Елизавету стоять абсолютно неподвижно, подобно мраморной статуе. Карманы на ее платьях были всегда зашиты, чтобы она не засовывала в них руки и не сутулилась, а также не пыталась их теребить. Она научилась отвечать на приветствия, махать рукой в белой перчатке с балкона или из открытого автомобиля, грациозно позировать для фотографий и контролировать свой мочевой пузырь в течение долгого времени. Позднее ее научили правильно приветствовать архиепископа Кентерберийского и премьер-министра. Если она точно выполняла инструкции Алы, то в награду получала печенье¹⁵. Провинности карались шлепком по ногам сзади. Даже по стандартам того времени ее детство было эмоционально обедненным, где чувства подавлялись, а поощрялись послушание и покорность.

Будучи еще совсем крошкой, Елизавета уже знала, что двигаться надо грациозно, кланяться и приседать в реверансе перед взрослыми, никогда не терять самообладания и держать дистанцию со всеми. Все в ее жестко контролируемой жизни шло по часам, начиная с завтрака

в 7:30 утра и до отхода ко сну точно в 7:15 вечера¹⁶. Одним словом, она начала жизнь в тепличных привилегированных условиях, где ей с детства вдалбливали понятия о необходимости самодисциплины и подчинения требованиям своего положения.

Хотя в ее детстве хватало правил и ограничений, но привилегий там было не меньше, пусть некоторые из них могли оценить только взрослые. Елизавета курсировала в лимузинах между многочисленными королевскими замками, дворцами и резиденциями, где к ее услугам была небольшая армия дворецких, лакеев, горничных и водителей. На Рождество и на день рождения ее осыпали подарками, многие из них были от обожавших ее простых сограждан, часто со скромным достатком. В четыре года у нее появился первый шотландский пони, Пегги, подарок бабушки, и вскоре начались первые уроки верховой езды. Любое ее появление на публике собирало толпы людей, которые останавливались, с улыбкой приветствуя ее, и даже махали флажками. В ее детстве чередовались повышенное внимание и поразительное одиночество. Елизавету воспитывали как маленькую женщину, а не как ребенка. Затем, когда ей было четыре года, ее господствующее положение в детской пошатнулось.

Елизавета родилась в центре фешенебельного района Мэйфер в комфортабельной городской резиденции на Брютон-стрит, 17, а ее сестра появилась на свет в августе 1930 года в страшную грозу в семейном родовом замке «с привидениями» Гламис. Овеянный легендами громадный дом в Шотландии с мрачными извилистыми коридорами, крутыми каменными лестницами, продуваемыми сквозняками спальнями имел собственного «призрака», который, по преданиям, представлял собой обезображенного монстра, запертого в секретной комнате. Елизавета была первым и желанным ребенком, но герцог и герцогиня надеялись, что вторым станет мальчик¹⁷. Они даже не рассматривали женские имена. Хотя им нравилось имя Анна Маргарет, на котором настаивала королева Мария, они все же остановились на имени Маргарет Роуз, так как Маргарет звали шотландскую королеву.

Наутро после рождения Маргарет Ала шепнула Елизавете, что ее ждет большой сюрприз в комнате матери. Потрогав ручку новорожденной сестренки, Елизавета пришла в такой восторг, что притащила в комнату доктора Дэвида Майлза и воскликнула: «Посмотрите на мою малышку, мою собственную малышку!»¹⁸ Она пребывала в радостном возбуждении, когда позднее ее обнаружили около шкафа с игрушками. Вокруг нее лежали синяя бархатная лягушка, пушистый кролик, пара любимых танцующих кукол и несколько книжек с картинками. Девочка взволнованно заявила, что собирает игрушки для малышки.

Такое поклонение нельзя объяснить только реакцией на суматоху по поводу рождения Маргарет. На церемонии крещения 30 октября девочку одели в то же самое кружевное платье, которое было на Елизавете четыремья годами ранее. Глядя на сестру с обожанием, Елизавета прошептала: «Я буду звать ее Бутончик. Понимаете, она ведь еще не стала розой»¹⁹. В этих словах заключался больший смысл, чем тот, что вкладывала в него Елизавета. Маргарет Роуз всегда оставалась бутоном неосуществленных возможностей, скованным условностями и жаждущим распусться. Маргарет, Елизавету и их мать называли «Три белые йоркские розы»²⁰, но на самом деле только Елизавета родилась королевской «розой» – ей одной было суждено стать королевой.

Рождение второй дочери привлекло еще большее внимание к Елизавете как к вероятной наследнице трона. Ее восковая фигура верхом на пони появилась в галерее мадам Тюссо. Шоколадные наборы, столовая посуда, чайные полотенца и больницы назывались ее именем. Ее лицо украшало шестицентовую марку Ньюфаундленда. Популярная «Детская сюита» ком-

позитора Эдуарда Элгара прославляла ее вместе с сестрой и матерью. Австралийское правительство назвало часть Антарктики «Земля принцессы Елизаветы». Обожающий ее отец сравнивал девочку со знаменитой королевой Викторией. «С первых своих слов, – говорил он писателю Осберту Ситуэллу, – проявила такой характер, что невольно задаешься вопросом: не повторится ли история»²¹. Маргарет была еще слишком мала, чтобы правильно произносить имя Елизавета, и называла старшую сестру просто «Лилибет».

Всего через несколько лет, в 1933 году, Лилибет уверенно сказала младшей сестре: «Мне три, а тебе четыре». Растерявшись, Маргарет возразила: «А вот и нет, мне три, а тебе семь». Малышка понятия не имела, что Елизавета имела в виду ступеньки, отделявшие их от престола. В семь лет она уже думала о нем, в отличие от дяди и даже от собственного отца. Она торжественно заявила своей шотландской гувернантке Мэрион «Кроуфи» Кроуфорд: «Если я стану королевой, я издам указ, запрещающий верховую езду по воскресеньям. Лошади тоже должны отдыхать»²².

В то время как Елизавета обдумывала будущие указы, в народе ходили слухи, что Маргарет родилась глухонемой, ведь прилюдно ее не показывали. Это так бесило короля Георга, что когда однажды королевская семья стояла на балконе Букингемского дворца по случаю королевской свадьбы, он подхватил маленькую Маргарет с пола и поставил ее на балконную балюстраду. Много позже Маргарет, боявшаяся высоты, призналась своему другу Кристоферу Уорику, что этот случай вызвал у нее ужас. Однако поступок короля сразу пресек слухи.

В семье понимали, что Маргарет красива, забавна и своевольна. Ее мать с гордостью делилась с Космо Лэнгом: «У нее огромные голубые глаза и железная воля – это все, что нужно леди! Если ей удастся скрыть свой характер и просто пошире раскрывать глаза – все будет в полном порядке»²³.

С самого начала стало ясно, что Маргарет была любимицей папочки, несмотря на менее примерное, чем у сестры, поведение. Она часто сбегала после обеда в детской вниз, просовывала свое маленькое пухлое личико в дверь столовой и забиралась к отцу на колени, выпрашивая глоток содовой или ложку сахара²⁴. Ее гувернантка Кроуфи вспоминала: «Она была очень игрива. Дружелюбная и открытая, она любила, когда ее обнимали и играли с ней»²⁵. Малютка рано научилась играть на чувствах родителей. В четыре года она подходила к матери, смотрела на нее с обожанием, целовала и говорила: «Мамочка, дорогая, я, право, думаю, что люблю папу больше, чем тебя»²⁶.

Елизавета взяла за привычку приглядывать за своей жизнерадостной сестренкой. Она считала своим долгом ограждать Маргарет от внешнего мира. Однажды, когда к ним пришел священник с некрасиво торчащими изо рта зубами и спросил Елизавету, может ли он повидать Маргарет, старшая сестра ответила: «Нет, боюсь, ваши зубы напугают ее»²⁷.

В раннем детстве сестры беззаботно и уединенно жили на Пикадилли – в пятиэтажном каменном доме № 145, известном как «дворец с номером, но без названия»²⁸. Отец хотел, чтобы дети росли в атмосфере безмятежности и любви, совершенно не похожей на суровый порядок, царивший в доме его солдафона-отца. Берти заставляли носить причиняю-

щие сильную боль фиксаторы для коррекции коленных суставов. Чтобы мальчика-левшу приучить писать правой рукой, его били. Возможно, именно из-за жестокой системы воспитания в восемь лет он стал сильно заикаться. Теперь, когда он обрел покой и комфорт в семейной жизни с Елизаветой Боуз-Лайон, дочерью графа Стратморского и Кингхорнского, Берти стремился создать сердечную домашнюю атмосферу для своих дочерей и растить их без ограничений. В народе считали Йорков образцом идеальной семьи: «Опрятный, спокойный, трудолюбивый муж, обожаемая жена с обаятельной улыбкой на устах и две хорошо воспитанные маленькие девочки в носочках... ну просто персонажи с рекламного плаката напитка «Овалтин»²⁹.

Жена Берти, Елизавета, была для него превосходным партнером в создании образа идеальной семьи. Ее любили за обаяние и женственность. Увидев герцогиню в театральной королевской ложе, писательница Вирджиния Вулф описала ее как «скромную, мило щебечущую круглолицую молодую женщину в розовом платье. На ее запястьях и плече сверкали бриллианты»³⁰. Но за этим безупречным фасадом скрывался сильный и непреклонный характер. Елизавета горячо пеклась о своей семье и жила по жестким законам христианской морали. Прислуга знала, что ее решения не подлежат пересмотру, но ее благосклонность прочна. Ей приходилось проявлять изрядное терпение и хладнокровие во время частых перепадов настроения своего супруга и его внезапных приступов гнева, известных как «зубовный скрежет». Некоторые считали такие приступы формой эпилепсии.

Удивительно, но в доме на Пикадилли, где проживали члены королевской семьи, не держали специальной охраны. Можно было запросто пройти по вымощенной камнем дорожке и позвонить в один из дверных колокольчиков: первый был с надписью «Для посетителей», второй – «Домашние». Открыв гостю дверь, дворецкий вел его по мягкому коричневому ковру в просторную, наполненную воздухом утреннюю гостиную. Ее окна выходили в зеленый сад, где принцесса Елизавета каталась на трехколесном велосипеде. Неподалеку находился Гайд-парк, где выгуливали принадлежавших семье золотистых лабрадоров»³¹.

Сестер обучали в гостиной герцогини, примыкавшей к главной гостиной. Обстановку комнаты, служившей классной, составляли не только обитые ситцем диваны и персидский ковер, но также огромные географические карты и книги. Обучение девочек проходило под контролем их властной бабушки. Она брала у Кроуфи учебный план и требовала вносить туда изменения, не ставя в известность невестку. Она настаивала, чтобы истории уделялось больше внимания, чем арифметике, потому что принцессам, «скорее всего, никогда не придется вести даже домашних расходных книг», а также потому, что история представляла особую важность для будущей королевы³². Каждый понедельник с утра полчаса отводилось религиозному обучению, что особенно действовало на впечатлительную младшую сестру. Утром первым делом девочки произносили молитву, ею же завершался каждый день.

Королева Мария жестко контролировала образование девочек, поскольку не одобряла подход их родителей к воспитанию. Для нее соблюдение приличий стояло на первом месте. Вид играющих королевских детей раздражал ее. «Не следует ли им заняться чем-то более познавательным, чем игра в «Скачущего Демона»? Меня беспокоит их поздний и беспорядочный режим сна»³³. Особенно строго она относилась к Маргарет, называла ее по-французски «*espiègle*» (озорница) и считала, что «характер Маргарет значительно более сложный и трудный, чем характер Елизаветы». Неприязнь была взаимной. Маргарет росла в страхе перед своей чопорной и властной бабушкой, которая часто бестактно спрашивала: «Когда ты наконец вырастешь?»³⁴ Маргарет вспоминала, что «перед визитом к королеве Марии у нее сосало под ложечкой»³⁵.

Елизавета, наоборот, восхищалась бабушкой и считала ее хранительницей королевских заветов. Именно королева Мария внушила внучке, что долг стоит выше собственных интере-

сов, а исполнение общественных обязанностей важнее личных нужд. Елизавета с ранних лет разбиралась в тонкостях званий, титулов, процессуальных норм и социальных статусов. Как-то лакей обратился к ней «миледи», и она возразила: «Я не леди, я – принцесса». Августейшая бабушка вмешалась и поправила ее: «Совершенно верно, ты родилась принцессой, и пройдет еще немало лет, прежде чем ты научишься быть леди»³⁶.

Хотя учебная программа составлялась в расчете на Елизавету, Маргарет оказалась более сообразительной и одаренной от природы ученицей. Она постоянно пыталась сократить возрастной барьер между собой и сестрой и доказать, что она так же умна и заслуживает такого же внимания. Когда Елизавета начала брать уроки французского у мадам Мари-Антуанетт де Белег, Маргарет часто стояла под дверью и благодаря природной способности к подражанию говорила с гораздо лучшим произношением, чем сестра. У нее рано проявились актерские способности, и она превосходно имитировала Ширли Темпл². Когда сестры начали осваивать фортепиано с мисс Мейбл Лэндер, Маргарет снова проявила большую любознательность и артистичность, чем ее сдержанная сестра. Елизавета могла напеть мелодию без фальши, но у Маргарет голос был лучше, а слух был близок к абсолютному. По словам очевидца, уже в девять месяцев она могла напевать вальс из «Веселой вдовы».

Кроуфи пыталась разработать учебные программы в соответствии с возрастом каждой, но в реальности такое разделение было почти невозможно – занятия проходили в одной комнате.

Способная и тщеславная Маргарет отказывалась учить предмет или делать упражнение, если они отличались от сестринских. Она постоянно сравнивала их учебные задания, убеждая всех, что ей досталось более нудное. Кроуфи пришлось разрешить Маргарет учиться с опережением своего возраста. Таким образом, приличное образование, которое давали Лилибет, помогло удовлетворить жажду знаний и развить природный ум Маргарет. Во многом из-за этих совместных занятий Елизавета казалась «относительно незрелой (для своего возраста)», тогда как Маргарет развила острый и восприимчивый ум³⁷. В силу своего темперамента Маргарет проявляла гораздо большую пылкость, чем ее сестра. «Очень прагматична и нелюбопытна, – так Алатея Фитцалан Ховард, подруга и будущая соученица, описывала Елизавету³⁸. – Лилибет постоянно оказывается в орбите интересов маленькой Маргарет, и хотелось бы, чтобы она из нее вырвалась. Я обожаю Маргарет, но, к сожалению, она тянет сестру назад, и поэтому большинство из 16 девочек ее возраста вполне дадут Елизавете фору во многих отношениях».

Хотя обычно сестер с разницей в четыре года не воспитывают одинаково, Елизавета и Маргарет росли скорее как близнецы. Они одинаково одевались, жили в одной комнате, имели общие развлечения и, по большому счету, общие уроки. Отец принимал решения, как им одеваться, и нянчился с ними так, что могло показаться даже чрезмерным. Когда девочек пригласили на свадьбу герцога и герцогини Глостерских в качестве подружек невесты, герцог Йоркский попросил укоротить их юбки, сказав: «Я хочу видеть их прелестные маленькие коленки»³⁹. Такая близость заставляла Маргарет ревниво относиться к тем немногим привилегиям, которые полагались только Елизавете. Например, к прогулкам верхом с отцом или с инструктором или к разрешению ложиться спать на полчаса позже – впрочем, на практике этот комендатский час плохо соблюдался⁴⁰.

Хотя королева Мария и пыталась контролировать обучение сестер, сами Йорки не проявляли к ним излишней требовательности. Родители не хотели, чтобы их дочерей считали «слишком умными». По воспоминаниям Кроуфи, герцог и герцогиня «больше всего хотели дать [своим детям] настоящее счастливое детство, чтобы множество чудесных воспоминаний поддержали их в будущем»⁴¹. В этом защищенном и полном любви доме девочки могли играть

² Американская актриса и политик, ребенком завоевала премию «Оскар» (прим. пер.).

вволю. Единственное, чего им недоставало, так это детской компании: лишь изредка к ним навевывались кузены.

Большую часть времени они проводили друг с другом и с гувернанткой, которая выводила их через заднюю дверь на прогулки в сад Гамильтон-гарденс. У Елизаветы была всего одна подруга – Соня Грэм-Ходжсон, дочь доктора Гарольда Грэм-Ходжсона, лечившего короля. «Соня была единственной подругой, которую выбрала для себя королева», – вспоминала Кроуфи. Они играли во французский крикет, прыгали со скакалкой, играли в классики и даже вместе занимались танцами. Иногда к ним присоединялся герцог Йоркский, и они вместе играли в прятки под названием «сардины». Соня позднее описывала Елизавету как «внимательную и впечатлительную девочку, от природы очень деликатную. Казалось, она никогда не придавала значения своему положению и не обращала внимания на стоящих у ограды людей, следивших за ее игрой»⁴². Восьмилетняя Елизавета так ценила эту дружбу, что посвятила подруге роман «Счастливая ферма», оставшийся неоконченным: «Соне, моей дорогой подруге, любящей лошадей»⁴³. Соня Грэм-Ходжсон долго оставалась лучшей подругой Елизаветы.

И все же большую часть времени Елизавета проводила с младшей сестрой. Они вместе играли наверху, в лучах солнца, струившихся сквозь стеклянный купол. За черным лаковым каминным экраном сестры хранили свои алые щетки с совками, с помощью которых по утрам подметали ковер. У девочек был огромный выбор игрушек и безделушек. В застекленном шкафу были аккуратно расставлены «вещички такие крошечные, что их могла бы сдвинуть даже божья коровка»⁴⁴ – зверюшки, фарфоровые домики и замки, солдатки и кораблики, изящные фигурки из стекла. В коллекции кукол, среди которых были и те, которыми играли еще дети королевы Виктории, было настоящее сокровище – крохотная серебряная колыбелька с куклой внутри. Несколько кукол имели полный набор чудесных туалетных принадлежностей и аксессуаров: перчатки, веера, солнцезащитные очки, щетки для волос в черепаховой оправе, сумочки с бисером и туфельки⁴⁵. Иметь такую коллекцию – мечта любой девочки, однако Маргарет приходила в ужас. Позднее она говорила, что ненавидела кукол, потому что они «напоминали ей мертвых младенцев»⁴⁶.

Сестры заботливо содержали свой «конный парк» – большую коллекцию лошадок на колесиках, которых они холили и лелеяли. Каждый вечер перед сном Лилибет расседывала их, чистила и мыла. Вскоре игрушечные лошади уступили место настоящим, на которых обе принцессы учились ездить под присмотром родителей, а затем конюха Хораса Смита. С детских лет именно Лилибет полюбила лошадей. Маргарет никогда не разделяла этой страсти старшей сестры, впрочем, как и любви к собакам, еще одной ее слабости.

В семье Йорков любили музыку и танцы, и граммофон часто включался на полную мощь. После пятичасового чая все собирались вокруг рояля и пели. По утрам девочки затевали веселую возню в родительской спальне. День заканчивался не менее весело – купанием в симпатичной ванной комнате с множеством детских мочалок в виде фигурок животных. Герцог часто сам занимался вечерним купанием девочек. Кроме Библии, они вместе читали и другие книжки, например «Алису в Стране чудес», «Черного красавчика» и «Питера Пэна», а то и просто «все, что было, про лошадей и собак»⁴⁷. Порой отец присоединялся к девочкам и играл с ними после полудня в садике Гамильтон-гарденс за их домом. Статуя лорда Байрона выступала в роли их «основной базы», и они часами играли в салочки и прятки между густыми кустарниками⁴⁸.

Хотя жизнь сестер протекала в очень замкнутом мирке, способном вызвать клаустрофобию, различия между ними проявились рано. С малых лет Елизавета пристрастилась к верховой езде – это хобби соответствовало ее врожденной привычке к дисциплине. С детства она любила идеальный порядок. В большой коробке у нее хранились оберточная бумага и ленты от подарков на Рождество и дни рождения – уже тогда проявлялась всем известная бережливость

королевы. Всегда и во всем методичная и аккуратная, Лилибет могла проснуться посреди ночи только затем, чтобы проверить, правильно ли стоят ее туфли. Маргарет же исполняла роль массовика-затейника. Примерное поведение ее нисколько не заботило, она быстро поняла, что проказы привлекают к ней внимание. По воспоминаниям кузена, «ей многое сходило с рук из-за ее способности смешить по любому поводу. Настоящая плутовка». Елизавета же «из них двоих всегда была более серьезной»⁴⁹.

Вернувшись из театра, Маргарет тут же раздавала всем роли из увиденной пьесы и приказывала играть заданного персонажа. Елизавета предпочитала провести день спокойно, в одиночестве катаясь на лошади, а Маргарет обожала шарады, передразнивание, пение, игру на фортепиано и походы в театр. Она выдумывала несуществующих друзей, среди которых был некто по имени Индербом-бэнкс. Кроуфи вспоминала, что Маргарет часто во сне преследовали кошмары с удивительными существами, включая говорящих котов и зеленых лошадей. Она описывала их в мельчайших подробностях, отлынивая таким образом от своих повседневных обязанностей. По своей сути Маргарет была актрисой и терпеть не могла соперничества с собой на «сцене»⁵⁰.

Беззаботное детство омрачилось смертью деда, короля Георга V, наступившей 20 января 1936 года. Герцогиня взяла дочерей на прогулку и под медленно кружащимися в воздухе редкими снежинками сообщила, что «дедушка Англия» сильно заболел и умер. Елизавета уже понимала важность произошедшего и позже со слезами спросила Кроуфи: «Следует ли нам играть сегодня?»⁵¹ Она одна сопровождала родителей на церемонию прощания в Вестминстер-холле, а потом присутствовала на государственных похоронах. Пятилетняя Маргарет, по словам Кроуфи, «была слишком мала, чтобы осознавать происходящее»⁵².

Характеры сестер коренным образом различались не потому, что Маргарет была «слишком мала». Елизавету отличали ответственность и дисциплинированность – она выполняла все, что от нее требовалось, и хранила свои игрушки и одежду в безупречном порядке. Проказы и озорство – это уже из арсенала Маргарет. Порой она кусала и мучила свою более кроткую старшую сестру, если ей не удавалось настоять на своем. Елизавета как-то упрекнула ее: «О Маргарет, ну почему ты всегда должна быть на первом месте?»⁵³ Эти слова не прошли ей даром. Иногда дело доходило до потасовок. Обычно это случалось, когда их заставляли надевать одинаковые безвкусные шляпки. Дергая друг друга за ленты, они выкрикивали: «Ты гадкая!», «А ты тупая скотина!»⁵⁴.

Понятно, что Маргарет первой затевала безобидные стычки, но она знала, как увильнуть от наказания. Кроуфи писала: «Лилибет была с характером, но она держала себя в руках. Маргарет часто проказничала, но делала это так мило и весело, что перед ней было трудно устоять. Бывало, она бросит на меня строптивый взгляд исподлобья, устроит сцену, а потом начнет целовать и ласкаться, и вот уже все прощено и забыто. Лилибет труднее отходила, но она всегда отличалась большим чувством собственного достоинства»⁵⁵. Действительно, Маргарет, как «прирожденный комик», прекрасно знала, как расположить к себе окружающих. Один из друзей их матери вспоминал: «Принцесса Елизавета очаровательна и бескорыстна. Принцесса Маргарет непослушна, но забавна»⁵⁶.

В подростковом возрасте Елизавета все больше входила в роль, которую взяла на себя с момента рождения сестры: она стала той, «которой всегда можно все объяснить». Она всегда прислушивалась к разумным доводам. Маргарет же развивалась прямо в противоположном направлении. По словам очевидца, она «не слушала никаких доводов. Ее отличали непосредственность, резвость и непослушание. Но из-за природного очарования ей все сходило с рук...»⁵⁷. Известно, что их отец говорил: «Лилибет – моя гордость, а Маргарет – моя радость».

Однако каждая из них несла свою часть нелегкой ноши. С ранних лет Елизавета знала, что ей придется соответствовать ожиданиям как семьи, так и страны. Тогда как Маргарет предвидела свою будущую унижительную роль «второго плана». Если Елизавету приучали к бесстрастной невозмутимости, то Маргарет позволялось выражать свои чувства более свободно. Но именно по этой причине она всегда возмущалась, что ее унижают и недооценивают. Особенно ее задевало, когда ей говорили «слишком молода» и не разрешали присутствовать на парадных приемах, куда приглашалась сестра. И все же, несмотря на все их различия, Елизавета всегда по-матерински заботилась о Маргарет и защищала ее от всякой критики. В свою очередь, Маргарет целиком и полностью была предана сестре, несмотря на постоянное соперничество. Эти сложные отношения, начавшиеся в детской и классной комнатах, продолжались всю их взрослую жизнь.

Семья Йорков часто проводила выходные в загородной резиденции Роял-Лодж – просторном, выкрашенном в розовый цвет доме, напоминавшем герцогине Йоркской поместье в Сент-Полс-Уолден-Бери, где она провела детство. Здесь царил атмосфера непринужденности и свободы, совершенно отличная от той душливой обстановки, в которой росли Берти и его братья. Центром дома была парадная лестница с дубовыми перилами и ярко-красным ковром. Повсюду стояли огромные китайские фарфоровые вазы с охапками цветов на длинных стеблях. Стены украшали картины с изображением лошадей. Целая свора лабрадоров и корги в компании тибетского мастифа с лаем носилась по дому и лестнице. Наверху стояла пара лошадок-качалок, одна – для Елизаветы, другая – для Маргарет⁵⁸.

Именно в Роял-Лодж девочки впервые увидели Уоллис Уорфилд-Симпсон, американку, которой вскоре предстояло пошатнуть британские традиции. Уоллис приехала с дядей Дэвидом, а за ними тянулся шлейф пересудов. Пока их отношения обсуждались только в высшем свете, большинство англичан понятия не имело о новой любовной интрижке короля. Дэвид приехал похвастаться двумя новыми увлечениями: сделанным по специальному заказу американским автомобилем Buick Station Wagon и своей новой возлюбленной. Родом из Балтимора, штат Мэриленд, Уоллис обладала яркой внешностью – худощавая стройная фигура, идеальная осанка, длинная шея и глаза необычного фиалкового оттенка, темные волосы цвета красного дерева уложены в модный, волосок к волоску, узел. Она казалась оживленной и веселой, но визит, однако, не удался. Единственным, кто как-то разрядил атмосферу, оказался корги Дуки, собственность принцесс. Он зашел в комнату, стащил печенье и важно удалился. Позднее Уоллис писала: «Если герцог Йоркский заинтересовался американской моделью машины Station Wagon, то герцогиня не проявила никакого интереса ко второму американскому увлечению [короля]»⁵⁹.

Сестры, которым в то время было девять и пять лет, отпихивая друг друга, зашли в гостиную в сопровождении Кроуфи. Герцог представил их как «Лилибет» и «Маргарет Роуз». Первую Уоллис описала как «высокую, стройную, прекрасно сложенную девочку», вторую – как «очаровательную малышку, похожую на куклу, с маленьким пухлым личиком». Как обычно, они были одинаково одеты – в желтые свитера и юбки из королевской шотландки. Уоллис вспоминала: «Обе белокурые, с прекрасными манерами, они сияли такой ухоженностью и чистотой, что, казалось, только что сошли со страниц иллюстрированного журнала»⁶⁰. Сестры же во все глаза смотрели на возмутительный «экземпляр» из Америки. Они уже слышали обрывки сплетен прислуги об «этой женщине» и их дяде, но постарались произвести на нее самое благоприятное впечатление.

Девочки всегда помнили о необходимости вести себя с достоинством, тем не менее они с жадным любопытством подмечали малейшие отклонения от размеренного течения своей жизни. Наблюдая, как роскошный американский автомобиль увозил из поместья дядю и Симпсон, Елизавета спросила: «Кроуфи, а кто она такая?» Губернантка уклонилась от ответа, что еще больше сбило их с толку. Ранее они слышали от нее, что дядя Дэвид «одурманен миссис Симпсон». Они понятия не имели, что значит «быть одурманенным», и совершенно не предполагали, что именно миссис Симпсон коренным образом изменит их жизнь.

10 декабря 1936 года, спустя всего 325 дней после восшествия на престол, король Эдуард VIII отрекся от него, чтобы жениться на Уоллис. Его решение означало конец уединенной жизни семьи Йорков. На Маргарет, склонную к драматизации, начавшийся кризис произвел глубокое впечатление. Она со страхом спросила Ала: «Они собираются отрубить ему голову?»⁶¹ Перед их резиденцией на Пикадилли, 145, начала собираться толпа в ожидании официального объявления о передаче престола принцу Альберту, герцогу Йоркскому, преемнику старшего брата. Когда Лилибет проснулась и услышала шум за окном, лакей сообщил ей причину: теперь она становилась второй в очередности претендентов на престол после своего отца.

Она помчалась наверх рассказать сестре. Маргарет выдохнула: «Так, значит, ты будешь королевой в следующий раз?» Елизавета важно ответила: «Да, когда-нибудь». Маргарет парировала: «Бедняжка»⁶². Остаток дня девочки провели, наблюдая сквозь лестничную балюстраду вереницу именитых посетителей дома, включая премьер-министра Стэнли Болдуина. Потом они прилипли к окнам, пожирая глазами тысячи людей, собравшихся снаружи.

Уже тогда, в десятилетнем возрасте, Елизавета ощущала «стеклянную стену», отделявшую королевскую семью от остального мира. Она понимала, что этот знаменательный день станет поворотным в ее жизни, и не поставила дату в дневниковой записи от 10 декабря 1936 года, а просто написала сверху: «День Отречения от Престола»⁶³. С этого дня она каждую ночь молилась о рождении брата, который бы занял место претендента на престол перед ней. Ее сестра сокрушалась, как всегда с налетом театральности: «Теперь, когда папа – король, я – никто»⁶⁴. Когда им сообщили о переезде в Букингемский дворец, Маргарет жалобно спросила: «Вы имеете в виду, навсегда?» Кроуфи ответила: «Да, и теперь вы уже не Маргарет Йоркская». – «А кто же я тогда?» – «Вы просто Маргарет». Малышка ответила: «Но я только что научилась писать «Йорк». А теперь я никто»⁶⁵.

Сложившаяся ситуация привела их отца в ужас. Он никак не мог смириться со своей участью и рассматривал решение брата как предательство. «Не могу поверить, что это происходит со мной», – стонал он, когда слуга обратился к нему «Ваше Величество». Он жаловался своему кузену Дикки – лорду Луису Маунтбеттену: «Я никогда не хотел этого. Я в глаза не видел государственных документов. Я всего лишь морской офицер, и это единственное, что я знаю»⁶⁶. Некоторое время рассматривался вопрос о передаче престола его младшему брату, принцу Джорджу, так как сильное заикание и другие недуги герцога были общеизвестны. Но идею вскоре отвергли. В конце концов, это же был не конкурс красоты. Герцог Йоркский стоял первым в линии претендентов на престол после старшего брата, а его старшая дочь становилась его наиболее вероятной наследницей.

Воскресные газеты, как флюгер, отражали общественное мнение. Они публиковали важнейшие новости и сопровождали их портретами «нашей принцессы Елизаветы». Маргарет же отводилось место только на групповых фотографиях. Частные семейные взаимоотношения, ранее ограниченные стенами дома, теперь выносились на всеобщее обозрение и обсуждение. Что касается дяди Дэвида, благодушного товарища по играм, научившего их нацистскому приветствию на лужайке перед замком Балморал, то он навсегда исчез из их жизни. Его имя проносилось приглушенным шепотом, за ним следовало многозначительное молчание. Что же

касается Уоллис, ее называли не иначе как «та женщина», но эта уничижительная характеристика никогда не достигала ушей девочек.

Сестры присели в реверансе перед отцом, только что ставшим королем, но отец вскоре это пресек, велел им вести себя с ним так, как в его бытность герцогом. Во время подготовки к церемонии коронации он вновь проявил живейший интерес к нарядам дочерей и хотел, чтобы они выглядели идеально. Будущий король контролировал весь процесс подготовки нарядов. По его приказу для них заказали легкие позолоченные короны. Сестрам предстояло впервые выйти в длинных платьях – сшитых из белого кружева и отделанных серебряными бантами, в серебряных туфельках в тон и белых носочках. На плечах у них красовались мантии из пурпурного бархата, отороченные горностаем. Изысканные наряды довершали нитки жемчуга на шее и белые перчатки-митенки до локтя⁶⁷.

Во время примерки Маргарет закатила истерику, увидев, что шлейф Елизаветы на целый фут³ длиннее, чем у нее. На этот раз мать немедленно приказала ей замолчать, холодно объяснив, что Елизавета имеет эту привилегию по старшинству рождения. Маргарет смирилась – редкий случай, – но неприятный осадок остался. Ее выходка заставила понервничать Елизавету и дворцовый персонал. Никто не знал, как поведет себя Маргарет во время томительной трехчасовой церемонии. Елизавета поделилась с Кроуфи своими опасениями, что Маргарет «слишком мала» и может «опозорить нас, если вдруг заснет на середине [церемонии]»⁶⁸. Ее тревожило, что любое отклонение от надлежащего поведения привлечет внимание и вызовет нежелательные комментарии.

Утро коронации выдалось серым и туманным, и сестры в нетерпеливом предвкушении наблюдали, как толпы людей, собиравшихся перед дворцом и вдоль Мэлла, «взвизгивали, смеялись и выглядывали из окон»⁶⁹. Вскоре их посадили в парадную Ирландскую государственную карету, отделанную черным и синим, и все направились к Вестминстерскому аббатству. Им запрещалось хихикать и смотреть друг на друга, а одной из каждой пары маленьких ручек полагалось быть поднятой в приветствии. Сиденье для Маргарет пришлось приподнять, чтобы ее могли видеть, хотя, конечно, всем хотелось увидеть Елизавету.

В аббатстве принцесс посадили рядом с бабушкой, один властный вид которой напоминал им о необходимости вести себя безукоризненно. Пышная церемония привела Елизавету в восхищение, но еще больше ее впечатлило то, что «Маргарет вела себя великолепно... только пару раз я слегка толкнула ее, когда она слишком громко играла с молитвенником»⁷⁰. Маргарет осторожно и грациозно придерживала свою мантию и только изредка привлекала к себе внимание тем, что преувеличенно громко переворачивала страницы молитвенника⁷¹. Ее мать не обращала на это никакого внимания. Мысли новой королевы находились совсем в другой плоскости – она была захвачена торжественностью момента. Во время священной церемонии ее муж казался если не божеством, то храмовым жрецом. Позднее, на пышном приеме в Букингемском дворце, новая королева-консорт, возможно под впечатлением от церемонии, сказала: «Нам [королевской семье] полагается быть выше всего земного»⁷².

Символом перехода к новой жизни стал переезд из их богатого, но уютного дома на Пикадилли в холодный и безличный Букингемский дворец. Короткий путь через Грин-парк, разделявший два дома, вел в совершенно другой мир. Их новое жилище было настолько громадным, что путь из спальни принцесс в сад занимал пять минут. В бесконечных коридорах было

³ 30,4 см (прим. пер.).

нетрудно заблудиться, и часто в столовую еда доставлялась уже холодной. Во дворце насчитывалось 775 комнат, а дворцовый персонал превышал 700 человек. В штате числился специальный лакей для завода дворцовых часов, а букеты составляли штатные флористы⁷³. Девочкам отвели отдельные спальни. Бобо оставалась с Елизаветой, а Ала – с Маргарет. Они радовались собственным спальням, но не могли забыть прежнего дома. Первое время сестры часто спрашивали, нельзя ли прорыть тоннель к дому на Пикадилли.

Безусловно, изменившаяся ситуация внесла коррективы в повседневную жизнь сестер, и изменения не всегда принимались с восторгом. Им пришлось смириться с тем, что встречи с родителями стали реже. Дни короля и королевы были заполнены государственными и общественными делами. Хотя они по-прежнему завтракали с детьми, ночные посиделки вскоре остались в воспоминаниях.

Кроуфи вспоминала, что жизнь в Букингемском дворце «воздвигла стеклянную стену между тобой и внешним миром»⁷⁴. Девочки вели теперь еще более уединенную жизнь, не имея друзей за пределами очень узкого круга дворца. Часто они просто стояли у окон, наблюдая за проходившими внизу людьми. Если отбросить штат прислуги в детской, сестры полагались только друг на друга и стали еще ближе. Они продолжали одинаково одеваться, что, с одной стороны, служило средством защиты, а с другой – приводило к конфликтам.

Их идентичная одежда не могла скрыть того, как новый статус их отца отразился на Елизавете. Ей уже исполнилось 11 лет, и изменившееся положение ускорило ее взросление. У нее появились новые интересы, особенно в области политики и политических деятелей, многих из которых – как англичан, так и иностранцев – она видела во время их визитов к отцу. Маргарет больше привлекали летние приемы на дворцовых лужайках, на которые собиралось до трех тысяч гостей. Она выискивала смешных или странных персонажей, которые ее забавляли. Елизавета, как всегда озабоченная соблюдением приличий, приказывала ей «не показывать пальцем и не смеяться» или «не слишком суетиться».

Критические замечания старшей сестры имели под собой основу. Если ей предстоял путь к короне, то наименьшее, что могла сделать для нее сестра, – это стать серьезной. В этот переходный период новоиспеченный король Георг VI вел с Елизаветой разговоры на серьезные темы, понимая, что каждая беседа превращается в урок. В период своего правления отец никогда не посвящал ни его, ни брата, принца Уэльского, в государственные дела, что тревожило и огорчало братьев.

У Елизаветы появились привилегии, которых не было у Маргарет. Для подготовки к будущим обязанностям ее учебный план расширился и теперь включал уроки по истории и британской конституции с Генри Мартеном, вице-проректором колледжа в Итоне. Естественно, Маргарет хотела присоединиться, но вместо этого ей добавили уроки танцев и музыки, объяснив, что история ей ни к чему. Отлучение от дневных семинаров оставило свой шрам: Маргарет горько сожалела, что мир идей и критического мышления был от нее отрезан. Став взрослой, она занималась самообразованием, но слишком разбрасывалась в своих интеллектуальных интересах. Она всегда считала, что у нее могла бы сложиться более насыщенная и упорядоченная духовная жизнь, если бы ей позволили изучать академические предметы в юности.

Елизавета понимала, что сестра ревнует, и старалась, как могла, успокаивать ее. Когда родители согласились учредить первую компанию девушек-скаутов Букингемского дворца в 1937 году, Маргарет в силу малого возраста не могла стать ее членом. Елизавета упростила скаутского лидера Вайолет Синдж принять сестру. «Знаете, она очень сильная», – объяснила она, в подтверждение указав на «отличную пару крепких ножек» Маргарет и добавив, что сестра обожает валяться в грязи. Ради поддержания мира в семье специально для Маргарет создали группу «Брауни» из 14 дочерей дворцовых служащих и сотрудников двора. Девочки занимались наблюдениями за птицами, учились ставить палатки, жарили сосиски на гриле и спали под брезентом. Маргарет любила делить палатку с другими девочками, и оттуда еще долго

после отбоя слышались перешептывания и хихиканье. А застенчивая старшая сестра ощущала неловкость, когда ей приходилось раздеваться в присутствии других девочек⁷⁵.

Елизавета продолжала с энтузиазмом заниматься конным спортом, уроки верховой езды в Роял-Лодж ей давал Генри Оуэн, конюх отца. Верховая езда в полном одиночестве подходила замкнутой натуре Елизаветы. Преодоление барьеров помогало лучше подготовиться к трудностям взрослой жизни. Другой тренер Елизаветы, Хорас Смит, отмечал, что ей хорошо давалась верховая езда из-за ее внутренней собранности и ответственности – двух качеств, которые явно отсутствовали у ее сестры.

Когда Елизавета достигла девичьего возраста, родителям, естественно, хотелось, чтобы Маргарет как можно дольше оставалась их маленькой крошкой. Она выросла, не зная слова «нет», и ее редко наказывали за непослушание. Наоборот, шалости дочери часто умиляли родителей.

Маргарет наслаждалась своей ролью избалованного ребенка, и порой это превосходило всякую меру. Однажды, когда ей было шесть лет, ее отправили в детскую комнату в наказание за какую-то дерзость. Через два часа ее привели в будуар матери, и та сказала: «Я уверена, что теперь ты хорошая девочка, правда?» На что та упрямо ответила: «Нет, я и теперь непослушная, и потом тоже»⁷⁶.

Елизавету, с ее заученными понятиями о том, что правильно, а что нет, беспокоило, как выглядит невоспитанность Маргарет в глазах людей, не принадлежавших к их узкому семейному кругу. Она часто просила мать: «Останови ее, мама, пожалуйста, останови». Хотя сама она часто смеялась над глупостями Маргарет, ее не оставляли дурные предчувствия. Много лет спустя, возвращаясь со службы из часовни Виндзорского замка на предобеденный коктейль в Роял-Лодж, резиденцию королевы-матери, королева спрашивала мать: «Как сегодня Маргарет?» – и старалась подстроиться под переменчивое настроение сестры.

В детские годы Елизавета потакала проказам Маргарет во многом потому, что она, как и ее мать-герцогиня, обладала редкой способностью разрядить обстановку во время частых отцовских «зубовных скрежетов»⁷⁷. Приступы вызывались ничтожными поводами – блюдом, поданным недостаточно теплым, или человеком, не приподнявшим шляпу в приветствии. По словам королевского биографа Кеннета Роуза, эти приступы гнева походили на эпилептические припадки. Они совершенно выбивались из однообразной череды дней в их замкнутой жизни и, вероятно, пугали принцесс. Они пугались, когда их замкнутый отец вдруг взрывался и впадал в неистовство. Тогда корзины для бумаги вдруг начинали летать из одного угла комнаты в другой, а банная мочалка в исступлении рвалась на мелкие кусочки.

Настало время, когда личные переживания отступили перед угрозой новой мировой войны. В марте 1938 года немецкие войска вступили в Австрию, не встретив никакого сопротивления. Вместо того чтобы выступить гарантами мира, Франция и Великобритания прибегли к политике умиротворения, что только подстегивало гитлеровский режим. В то время, когда война уже маячила на горизонте, король и королева отправились в Канаду и США с шестинедельным визитом. Поездка в мае-июне 1939-го имела неофициальную цель добиться расположения Америки и получить экономическую поддержку в случае военного конфликта. Перед отплытием из Портсмута родители поцеловали девочек на прощание, и те стояли на пристани, махая руками. Когда Маргарет, собираясь утереть слезы, сказала: «У меня есть носовой платок», королева Мария немедленно отреагировала: «Для того чтобы махать, а не промокать слезы»⁷⁸.

После завершения чрезвычайно успешного турне фотография королевской четы, поглощающей хот-доги, попала на первые страницы газет. Вскоре семья отправилась в Дартмут на юго-западе Англии на борту яхты «Виктория и Альберт». Их сопровождал кузен короля Дикки Маунтбеттен, имевший совершенно определенную цель, которая вскоре стала очевидной.

На яхте Маунтбеттен сообщил королевской чете, что двое из морских курсантов подхватили свинку. Чтобы избежать заражения, принцессам предложили остановиться в доме капитана на берегу. Развлекать их было поручено высокому загорелому курсанту – принцу Филиппу Греческому, 18-летнему племяннику Дикки, сыну бывшей принцессы Алисии Баттенбергской и принца Эндрю Греческого, который был шестым в очередности наследования греческого престола⁷⁹.

Рядом с Елизаветой – 13-летней тепличной барышней – оказался «светловолосый, похожий на викинга юноша с острыми чертами лица и пронзительными голубыми глазами»⁸⁰. Ее неуверенность никак не вязалась со статусом наследной принцессы. Но кто бы ее осудил? Она одевалась в точности как младшая сестра – в платье с рукавом-фонариком и в короткие носочки. За обедом Елизавета сидела рядом с Филиппом «красная как рак», а он демонстрировал потрясающее мастерство в поедании креветок, поглощая одну за другой, и закончил банановым сплитом с мороженым⁸¹. Маргарет отметила: «Тот, кто может съесть столько креветок, – настоящий герой». Но Елизавету свели с ума совсем не креветки⁸². Невинный и нескладный эпизод вбил первый клин в отношения сестер. Между тем война неумолимо надвигалась и вскоре захлестнула мир.

Глава 2

Сестры и война

Накануне оккупации Польши Германией и на пороге мировой войны возмущенная Маргарет как-то спросила: «Да кто он такой, этот Гитлер, который все портит?»¹ Принцессы мало разбирались в политических и военных делах, волновавших Европу, в немецких же планах им отводилась роль невинных пешек. Похоже, Гитлер готовил захват членов королевских семей во всех оккупированных европейских странах. Он собирался использовать их в качестве заложников для умирения поработанных стран. Великобритания входила в этот список.

В августе 1940 года доктор Отто Бегус, цветом лица напоминавший молочную сыворотку, получил письменные инструкции прибыть для выполнения секретной миссии². Бегус участвовал в Первой мировой войне, был ранен. Впоследствии он стал фанатичным приверженцем гитлеровской национал-социалистической партии. Его обязанности отличались разнообразием: шпион, диверсант, агент-provokator, в зависимости от поставленных задач, в которые входило расширение зоны влияния нацистов в Австрии, Италии и Эфиопии. Самая дерзкая его вылазка пришлась на конец «странной войны» в мае 1940 года, когда он возглавил операцию по захвату нидерландской королевы Вильгельмины во время оккупации Нидерландов. Новое поручение предписывало захват английского короля с королевой и двумя дочерьми.

Операция оказалась более трудной, чем предполагалось. Ее успех полностью зависел от эффекта неожиданности и точного расчета времени. Основная задача возлагалась на группу штурмовиков СС, часть которых, включая Бегуса, принимала участие в провалившейся нидерландской операции. Группу усилили боевиками, доказавшими свою выносливость и бесстрашие. Предполагалось подвергнуть интенсивной бомбардировке с воздуха местность, прилегающую к Букингемскому дворцу, что позволило бы четырем сотням парашютистов приземлиться в Грин-парке, Гайд-парке и Сент-Джеймском парке³. Им надлежало окружить Букингемский дворец и другие королевские резиденции и не допустить контратак.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.